

Шэнь Хуэй опустил Лин Сина на землю, забрал у него накиннутую одежду и снова закинул корзину себе на спину. В корзине было двадцать цзиней муки, плюс пароварки и денежный ящик - вес выходил немалый. Пока он нёс всё это, у Лин Сина слегка занули плечи, и он машинально потер их рукой.

— Плечи не повредил? — спросил Шэнь Хуэй.

Лин Син покачал головой, показывая, что нет.

Они направились к дому и ещё издали увидели, что во дворе кто-то есть, а оттуда доносится громкий плач и крики. Это снова пришла Фан Сюся. Утром она проснулась и обнаружила, что спала под открытым небом, так же, как и её сыновья Чжао Эрбао и Чжао Саньцай. Мало того, у всех троих на лицах были побои; у Эрбао и Саньцай раны оказались серьёзнее, словно их чем-то оглушили по голове. У обоих были вывихнуты руки, и только у деревенского лекаря Сунь-дафу в соседней деревне удалось вправить суставы.

Фан Сюся прекрасно понимала, что это проделки Шэнь-эрлана. Как только сыновьям вправили руки, она, кипит от злости, снова заявила к дому Шэнь. Теперь, по её мнению, правда была на её стороне, и Шэнь-эрлана она больше не боялась.

Но, придя к дому Шэнь, она обнаружила, что Шэнь Хуэй там вовсе нет. Мало того, за эти два дня погода потеплела, и все взрослые из семьи Шэнь ушли в поле перекапывать землю. Дома остались только трое детей: Шэнь Лай, Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося.

Людей дома не было, но Фан Сюся и не подумала уходить. Вспомнив серебро, которое пришлось отдать накануне, она решила во что бы то ни стало вернуть сегодня вдвое больше. А то, что дома были одни дети, для Фан Сюся оказалось как нельзя кстати - дети ведь легко пугаются. Вчера вечером из семьи Фан пришли только родители Фан Баогэня. После того скандала с позором и выплатой денег сегодня уже никто не хотел снова появляться у дома Шэнь. Однако старшая и вторая невестки семьи Фан всё же пришли. Их мужья работали под началом Чжао Фаня, и если вчера их отсутствие ещё можно было объяснить, то сегодня, когда они были дома, не поддержать Фан Сюся, значило бы совсем потерять лицо.

Три женщины - это уже целое представление. Во дворе семьи Шэнь они устроили настоящий разнос, демонстрируя всю свою наглость и власть. Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося были напуганы до истерики - они громко рыдали, прижавшись друг к другу и дрожа от страха. Только у Шэнь Лая ещё оставалась хоть какая-то способность сопротивляться, но он всего лишь десятилетний гер - против троих взрослых женщин ему было не выстоять.

Старшая и вторая невестки семьи Фан вели себя ещё сдержанно, особо грязных слов не говорили, в основном бесновалась именно Фан Сюся. Накануне вечером она крупно проиграла Шэнь Лаю, и теперь, поймав удобный момент, решила отыгаться сполна - обругать так, чтобы больше никто и пикнуть не посмел. У Шэнь Лая характер был горячий. Услышав, как Фан Сюся раз за разом осыпает его грязной бранью, то «распутный товар», то «дешевая шкура», он с разбегу метнулся в кухню, схватил кочергу и, не раздумывая, замахнулся на неё.

Когда Шэнь Хуэй и Лин Син вернулись домой, перед ними предстала картина: Шэнь Лай размахивает кочергой, двое женщин держат его за руки, Фан Сюся тянется, чтобы вырвать кочергу, а Шэнь Лай во всё горло орёт, зовя Сяочунь и Сяося на помощь. Два ребёнка были пугливы, но, увидев, что Шэнь Лая прижали, они всё же разжали объятия, которыми цеплялись друг за друга, и, всхлипывая, бросились - один слева, другой справа - к ногам старшей и второй невесток Фан.

— Не обижайте дядю Сяо У, у-у-у-у!

— Когда второй дядя вернётся, я ему всё расскажу, у-у-у-у!

Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося, рыдая, сыпали грозными обещаниями и изо всех сил тянули женщин за ноги, не давая им дальше обижать Шэнь Лая.

Дети ревели навзрыд, и старшей с второй невестками Фан от этого было не по себе. Как ни крути, они взрослые. Даже если есть обиды и вражда, при чём тут дети? К тому же, как бы Фан Сюся ни оправдывалась тем, что заступается за Эрбао и Сяньцзя, обе женщины прекрасно понимали: дело не только в этом. Скорее, весь её гнев - от унижения и злости из-за выходок ее собственного мужа, а достается за это посторонним. Они это видели, просто делали вид, что не видят.

Но и отпустить Шэнь Лая они не решались. Все мужчины в их семье работали под началом мужа четвертой сестры. Да и сама семья Фан благодаря ему пользовалась уважением в деревне и получала немало выгод. Характер у четвертой сестры, конечно, дрянной, но вся семья на ней держится, какой бы она ни была, защищать её всё равно придётся.

И вот, когда Фан Сюся наконец вырвала кочергу, она с перекошенным от злобы лицом шагнула вперед и замахнулась на Шэнь Лая. Стиснув зубы и глядя на него с ненавистью, она прошипела:

— Сегодня я тебя, дрянь, что мужиков соблазняет, забью насмерть!

— А-а-а!!!

Раздался пронзительный крик. Кочерга выскользнула и с грохотом упала на землю, прокатилась, гулко стукнувшись несколько раз, и остановилась, упершись в торчащий камень. Ярость на лице Фан Сюся мгновенно сменилась болью. Она схватилась за запястье и, скорчившись на земле, завывала, жалобно охая и ахая от боли.

В тот миг, когда кочерга уже готова была обрушиться на голову Шэнь Лая, Шэнь Хуэй метнул маленький камень, точно и резко угодив Фан Сюся прямо в запястье.

Шэнь Лай был уверен, что сегодня ему не уйти, голову сейчас разобьют. Он и представить не

мог, что в самый критический момент вернётся второй брат. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Шэнь Лай даже не решался вспоминать произошедшее - слишком страшно.

— Сяо У! Сяочунь! Сяоя! Вы целы?!

Лин Син подбежал стремительно, одним движением оттолкнул двух женщин, удерживавших Шэнь Лая, и закрыл собой троих детей. Он тревожно расспрашивал их, одновременно настороженно следя за людьми семьи Фан.

Старшая и вторая невестки Фан боялись Шэнь Хуэя. Когда Лин Син толкнул их, они сразу отпустили Шэнь Лая и бросились поднимать Фан Сюся с земли, собираясь поскорее уйти. Но они опоздали на шаг.

Шэнь Хуэй уже схватил Фан Сюся.

Ворот её одежды внезапно стянулся, и Фан Сюся, забыв даже о боли в запястье, испуганно замерла. Очнувшись, она с ужасом поняла, что её ноги не касаются земли. Ощущение, что под ногами нет опоры, мгновенно вызвало панику. А особенно взгляд Шэнь Хуэя: тёмные, свирепые глаза, неподвижное, холодное лицо без тени эмоций, но от него исходило такое чувство, будто её сейчас убьют. Страх и паника захлестнули её целиком. Фан Сюся побледнела так, что от прежней заносчивости не осталось и следа.

— Смелости у тебя хоть отбавляй, — холодно произнёс Шэнь Хуэй.

Остальные семьи, которых той ночью так же выбросили спать у собственных ворот, больше не приходили ни с разборками, ни за «справедливостью». Они надеялись, что Шэнь Хуэй просто выпустил пар, и на этом всё закончится. Если бы они раньше знали, что у Сяо У сорвали повязку и увидели метку, а старшая невестка был избит до потери сознания, да ни за что на свете они не посмели бы идти за Фанами к дому Шэнь.

Фан Сюся стало трудно дышать. Инстинктивно она вцепилась в запястье Шэнь Хуэя, пытаясь оттолкнуть его. Но её сила для него не значила ровным счётом ничего, наоборот, он поднял её ещё выше. Мышцы на его руках вздулись, на тыльной стороне ладоней проступили вздутые вены. Лицо Шэнь Хуэя оставалось спокойным. Он поднял взгляд - тяжёлый, давящий, как сама угроза.

— В горах я знаю каждую тигриную пещеру и змеиное логово, каждую волчью стаю и медвежью берлогу, — произнёс он ровным голосом. — Если ты ещё раз посмеешь прийти в мой дом и устроить беспорядок, в следующий раз ты будешь ночевать не у ворот, а в горах. Поняла?

Фан Сюся сглотнула. В тот год, когда семья Шэнь перебралась в деревню, она как раз вышла замуж. Возвращаясь потом в родные места, она лишь слышала рассказы о свирепости и жестокости второго сына семьи Шэнь. Пару раз она видела его и в городе - каждый раз он нёс

на плечах тушу дикого зверя, весь в крови, с окровавленным лицом, и выглядел пугающе до дрожи.

Но всё это были либо чужие слова, либо взгляды издалека. Страх тогда был, но быстро забывался. И только сейчас Фан Сюся впервые по-настоящему, кожей ощутила дыхание смерти. Всё её тело одеревенело и похолодело, в сердце смешались сожаление, паника и ужас. Ей и впрямь не следовало раз за разом надеяться на авось и вновь провоцировать этого живого демона.

— П... поняла, — выдавила она, послушно кивнув.

Шэнь Хуэй разжал руку, и она рухнула на землю. Только тогда две снохи семьи Фан, которые всё это время боялись даже дышать, бросились вперёд и поспешно подняли её. Не задерживаясь ни на мгновение, они, поддерживая Фан Сюся, поспешно увели её прочь.

Шэнь Хуэй обернулся и увидел, как Лин Син, словно наседка цыплят, прикрывает собой троих детей. Гер широко раскрыл глаза и пристально смотрел на него. Шэнь Хуэй сделал шаг вперёд, но, заметив, что Лин Син собирается отступить, остановился. Он потер запястье и будто между делом спросил:

— Испугался?

Одной рукой поднять человека и так долго держать - Лин Син ещё раз осознал, какой силой обладает Шэнь Хуэй. Он был удивлён, но не напуган. Больше всего его тревожило, не станет ли семья Фан потом мстить семье Шэнь.

Лин Син тихо покачал головой:

— Рука не болит?

Он спросил это совершенно серьёзно, и Шэнь Хуэй на мгновение опешил, а затем тихо усмехнулся:

— Ничего не чувствую.

Сказав это, он посмотрел на Шэнь Лая и на Сяо Чунь с Сяо Ся:

— Она больше не посмеет прийти. Не бойтесь. Выходите, отведу вас к старосте деревни, купим сладости.

Услышав про сладости, Шэнь Лай тут же ожил, словно в него влили новую кровь, и запрыгал на месте:

— Второй брат, ты самый лучший! Я совсем не боюсь!

Ресницы у Сяочунь и Сяося ещё были влажными, но соблазн сладостей пересилил: они вышли из-за спины Лин Сина и, набравшись храбрости, потянули Шэнь Хуэя за полу одежды. Сяо Чунь, подняв голову, сказала:

— Второй дядя, та женщина раньше была очень злой.

Сяося тут же подхватил:

— Второй дядя, они ругали нас, называли «колючими»*. А мы вовсе не колючие, мама говорила, что мы с сестрой мягкие.

(ПП: колючие – это буквальное значение. Второй смысл – назойливые, надоедливые)

Дети перебивали друг друга, говорили тихо, не очень складно и не совсем ясно, но жалоба, пусть и с опозданием, всё же прозвучала. Шэнь Хуэй слушал их и чувствовал себя так, будто рядом с ним уменьшенная версия Шэнь Гуя, тот же поток слов, бесконечно льющийся в ухо.

Лин Син пошёл вместе с Шэнь Хуэем к дому старосты, а на обратном пути они как раз зашли к Се Цинья за тофу на завтра. По дороге трое детей шли, взявшись за руки, с улыбками на лицах. Страх и слёзы, которыми они ещё недавно разразились дома из-за семьи Фан, уже забылись. Теперь они с нетерпением ждали сладостей.

Слушая, как дети вполголоса обсуждают, как будут есть конфеты, Шэнь Хуэй немного отстал и пошёл сбоку, чуть позади Лин Сина:

— Старшая невестка о чём-то переживает?

<http://bllate.org/book/13938/1274499>